

№ 40.

22 ОКТЯБРЯ.

ВЫХОДЯТЪ
ЧЕТЫРЕ РАЗА
въ мѣсяць.

ИЗВѢСТІА

РЕДАКЦІЯ
КАЗАНЬ
Духов. Академія.

ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ

Изданіе Казанской Духовной Академія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ приложеніемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ епархіальнымъ подписчикамъ 8 р. Безъ прилож. 5 р.

СОДЕРЖАНІЕ.

Официальный отдѣлъ. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. 1123. Свободныя мѣста. 1124.

Неофициальный отдѣлъ. Бесѣда со старообрядцами въ г. Казани 9-го октября 1911 года. *В. Покровскаго*. 1125. Изъ семинарскихъ воспоминаній. Свящ. *П. Руфимскаго*. 1129. Изъ періодической печати. 1134. Новая книга свящ. *Е. Сосунцова*. 1138.

Приложеніе. Отчетъ Попечительства при Іоанно Богословской церкви Казанской Духовной Семинаріи за 1910 годъ. Стр. 1—20.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

РАСПОРЯЖЕНІА ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣлены. Бывшій учитель Ново-Исаковской школы, крестьянинъ Петръ *Никоновъ*—псаломщикомъ въ с. Юваново, Козмодемьянскаго уѣзда, 11 октября.

Бывшій воспитанникъ Казанской духовной семинаріи Іаковъ *Иларіоновъ*—псаломщикомъ въ с. Удѣльное Тинчурино, Тетюшскаго уѣзда, 11 октября.

Бывшій воспитанникъ Казанской духовной семинаріи Михаилъ *Русаковъ*—псаломщикомъ въ с. Кадышево, Казанскаго у., 11 октября.

Сынъ псаломщика Павелъ *Ивановъ*—псаломщикомъ въ село Малюю Юнгу, Козмодемьянскаго уѣзда, 11 октября.

Крѣстьянинъ с. Большой Осиновки, Лаишевскаго у., Михаилъ *Рождественскій*—псаломщикомъ въ с. Байгулово, Чебоксарскаго уѣзда, 12 октября.

Перемѣнены. Псаломщики с. Уратымы-Поповки, Чистопольскаго у., Иванъ *Орловъ* и с. Картукова, Козмодемьянскаго уѣзда, Михаилъ *Рождественскій*—взаимно, 11 октября.

Псаломщики с. Венеты, Лаишевскаго у., Александръ *Дикунновъ* и с. Высокой Горы, Казанскаго у., Пантелеимонъ *Богородицкій*—взаимно, 11 октября.

Священникъ с. Большихъ Морковъ, Казанскаго уѣзда, Мстиславъ *Троицкій*—въ Тамбовскую епархію, 27 сентября.

Діаконъ на вакансіи псаломщика Смоленско-Седмозерской г. Казани церкви Николай *Златоустовъ*—въ Симбирскую епархію, 4 октября.

Уволены за штатъ. Священникъ с. Юкаръ, Козмодемьянскаго у., Петръ *Яблонскій*, 10 октября.

Псаломщикъ с. Малой Юнги, Козмодемьянскаго у., Алексѣй *Добровъ*, 11 октября.

.....

СВОБОДНЫЯ МѢСТА.

Священническія. При церквахъ: с. Мордовскихъ Каратай, Тетюшкаго у., прихожане—мордва; пригор. Старошешминска, Чистопольскаго у.; с. Ишеева, Тетюшкаго у.; с. Новоспасскаго, Спасскаго у.; с. Оринина на діаконской вакансіи, Козмодемьянскаго у., прихожане—чуваша и русскіе; с. Кошлоушъ (на діаконской вакансіи), Ядринскаго уѣзда, прихожане—русскіе и чуваша; с. Юкаръ, Козмодемьянскаго у., прихожане—черемисы; с. Большихъ Морковъ, Казанскаго у., прихожане—русскіе и черемисы; с. Баганы (на Черемшанѣ), Чистопольскаго у., прихожане—мордва и татары; и при Введенскомъ г. Чебоксаръ соборѣ.

Діаконскія: Въ с. Анать-Кинери, Козмодемьянскаго у., прихожане—чуваша.

Псаломщическія: При церквахъ: с. Кошлоушъ, Ядринскаго у., прихожане—русскіе и чуваша; и с. Хочашева, того же уѣзда, прихожане—чуваша.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Бесѣда со старообрядцами въ г. Казани

9-го октября 1911 года.

Вопросъ бесѣды: „Недостатки и пороки пастырей и неистовое отправленіе ими церковной службы могутъ ли служить для старообрядцевъ основаніемъ ихъ раздора съ православною церковію“?

Передъ началомъ бесѣды, проф. Н. И. Ивановскій кратко выяснилъ, что по поставленному вопросу можно говорить безъ конца, и говорить за и противъ, но такъ какъ вопросъ былъ выдвинутъ старообрядцемъ, то его слѣдуетъ уяснить, хотя отвѣтъ на поставленный вопросъ предрѣшается заранее — по людямъ церковъ не опредѣляется и о чистотѣ православія и истинности церкви по людямъ судить нельзя.

Послѣ словъ Н. И. Ивановскаго къ выясненію вопроса приступилъ М. Н. Васильевскій. Уставщикъ общины, приѣмлющей Бѣлокриницкое священство, на прошедшей бесѣдѣ поднялъ вопросъ о томъ, что богослуженіе у насъ правится не по уставу, священники наши худы, «а—посему хоть и много у васъ святыни, старообрядцы все же къ вамъ не пойдутъ». Михаилъ Николаевичъ замѣтилъ, что съ подобными обвиненіями старообрядцы обычно выступаютъ «въ критическій моментъ», когда сознаютъ свое полное безсиліе опорочить ученіе православной церкви. Что среди нашихъ пастырей встрѣчаются люди съ недостатками и нѣкоторые изъ нихъ служатъ не всегда по уставу,—этого отрицать нельзя. Но какой выводъ отсюда слѣдуетъ: могутъ ли небрежное отправленіе богослуженія и пороки духовенства служить причиною отдѣленія отъ церкви, учиненія съ нею раздора? На основаніи ученія св. отцевъ и старопечатныхъ книгъ Михаиломъ Николаевичемъ были развиты слѣдующія мысли: 1) При порочной жизни священниковъ церковъ не дѣлается еретической, безблагодатной, она остается, не смотря на пороки служителей ея, православною и святою. 2) Грѣховность, порочность пастырей не вліяетъ на значеніе совершаемыхъ ими таинствъ, ибо дары благодати не зависятъ отъ священнической добродѣтели. Благодать дѣйствуетъ и чрезъ недо-

стойныхъ. Ясно, такимъ образомъ, что и отдѣляться отъ церкви, изъ за плохой жизни ея пастырей, не слѣдуетъ. Св. Златоустъ говоритъ: «Аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся... аще же ли житія ради, не испытай; и сіе не отъ себе глаголю указаніе, но отъ Божественнаго писанія». «Имуть рече санъ», продолжаетъ Златоустъ, «но, житія суть нечистаго. Но не житію, но словесемъ внимай. Нравовъ бо ради никтоже да повреждается». (Бесѣды Злат. бес. 34). Изъ этого свидѣтельства св. отца І. Златоустаго видно, что единственной причиной отдѣленія можетъ быть еретическое, неправославное ученіе священника, а не жизнь его. Что касается жизни пастырей, то, по наставленію святыхъ отцовъ, о ней и поднимать вопроса-то намъ, христіанамъ, не слѣдуетъ: «не испытай», говоритъ Златоустъ. Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ говоритъ, что «чрезъ осужденіе священниковъ извращается самое іерархическое устройство: ноги становятся головою, а голова ногами». Въ книгѣ преп. Нікона Черногорца мы находимъ слова св. Анастасія синайскаго: «тѣмъ же молю вы не судите никого же, изряднѣ бо священника Божія. Да будетъ же священникъ въ еже по Бозѣ догматѣхъ не согрѣшая. О прочихъ же нѣси ты судія или испытатель ему. Не осуди священника и «не помысли ничтоже таково» (Ник. Черн. сл. 40).— Самая мысль осуждать священника—грѣховная мысль и внушается діаволомъ, какъ это видно изъ того же слова книги Нікона Черногорца. Такимъ образомъ, не только нельзя учинять раздоръ съ церковію изъ за плохой жизни ея пастырей, но, согласно ученію св. отцевъ и старопечатныхъ книгъ, даже и размышлять о плохой жизни нашихъ пастырей намъ, христіанамъ, не слѣдуетъ. За грѣхи свои священникъ «не нами испытуется, или истязается, но отъ Бога, или множицею отъ большаго архіерея». «Ты же что пастыря востызаеши овча сый? Говоритъ св. Анастасій Синайскій (Ник. Чер. сл. 40). 121 правило Номоканона гласитъ: «яко недостойтъ просту чловѣку укорити священника, или запрещати, или поношати, или клеветати, или обличати въ лице, аще нѣгдѣ и истина суть. Аще же постигнетъ сіе сотворити простолудинъ, сирѣчь простый чловѣкъ да есть анаема, и да изгнанъ будетъ изъ церкви, отлученъ бо есть отъ святыя троицы, и посланъ будетъ во іудино мѣсто». Слѣдовательно, вотъ гдѣ мѣсто для тѣхъ, кто укоряетъ священника, поноситъ, клевететъ и обличаетъ его...

Не могли, повидимому, больше удержаться старообрядцы; правда, горькая правда колола имъ глаза и, не давши оканчить рѣчь Михаилу Николаевичу, выдвинувшійся изъ присутствующихъ старообрядцевъ громкимъ голосомъ выкрикивалъ: «Довольно, довольно, М. Н., я согласенъ, что осуждать не нужно—это къ дѣлу не относится. Почему образовался расколъ во время Никона? Онъ его создалъ, а соборъ 67 года изрекъ клятву, анаемому, несчастное проклятіе на старообрядцевъ, на истинныхъ христіанъ. Не грѣхи священниковъ насъ отдѣлили отъ церкви, священники есть и хорошіе и плохіе, а церковь есть столпъ и утвержденіе истины и врата ада не одолѣютъ ее. А по изъясненію бл. Оеофилакта Болгарскаго врата это еретики; вотъ кто никоніане-еретики, врата, низводящія въ адъ, гонители...» М. Н.—Слѣдовательно, вы съ нами «солидарны»: ¹⁾—изъ за порочной жизни священниковъ отдѣляться отъ церкви нельзя? Стар.—Нѣтъ, вы скажите, до Никона церковь была православная? М. Н.—Хорошо, я отвѣчу, но тогда и вы отвѣтите на мой вопросъ. Да, церковь была православная, она и теперь у насъ православная. Стар.—Зачѣмъ же было коверкать православіе? М. Н.—Вы отвѣтите, согласно обѣщанію, на вопросъ, —можно отдѣляться отъ церкви изъ за порочнаго поведенія ея пастырей? Стар.—*Нѣтъ*. Какъ то глухо пронеслось это роковое признаніе старообрядческаго собесѣдника. Тогда Михаилъ Николаевичъ констатировалъ фактъ.—Слѣдовательно, неправду утверждалъ прежній старообрядецъ, его слушать не слѣдуетъ? Но вѣдь онъ вашъ уставщикъ! Убѣдите его, что онъ заблуждается. Въ это время выступаетъ защищать свою честь упомянутый старообрядческій уставщикъ. «Вы вотъ, началъ онъ, сказали «не осуждайте»; зачѣмъ же вы осуждаете старообрядцевъ, на кострахъ ихъ жгли? Вы докажете, что церковь можетъ все измѣнить и уставъ пропустить? М. Н. Вы претендуете, что вашихъ предковъ-старообрядцевъ осуждали, на кострахъ жгли, а вотъ вы, потомокъ ихъ, сейчасъ слышали, что правило Номоканона опредѣляетъ за поношеніе священниковъ, да вѣроятно знаете, что Іосифъ Волоколамскій говорить, кто обезчеститъ церковь, тотъ подлежитъ смертной казни и вѣчному проклятію. Теперь, если вы въ прошедшій разъ такъ поносили и укоряли священниковъ, то насколько больше вино-

¹⁾ Излюбленное выраженіе выступившаго собесѣдника *Артемона Третьякова*.

ваты въ этомъ были ваши предки.... Далѣе, вы просите доказать, что церковь можетъ все измѣнить и уставъ пропустить, а я васъ попрошу указать, гдѣ это вы вычитали, что церковь дала распоряженіе, чтобы уставъ не соблюдать, какъ это вы утверждали. Стар.—Нѣтъ, церковь не отмѣнила устава, а почему ваши пастыри не соблюдаютъ его? М. Н. Такъ вы это помните—церковь не отмѣнила устава и не отмѣняетъ, а что не всѣ пастыри выполняютъ его, такъ я вамъ на это вотъ что скажу. Вы, конечно, признаете св. отца Симеона Солунскаго, жившаго въ концѣ 14 и нач. 15 в. Онъ пишетъ про свое время: «Въ мірскихъ церквахъ псалтырь совсѣмъ не читается кромѣ Великаго поста, такъ какъ выполнять все по уставу не по силамъ людей, живущихъ въ міру. Такъ дѣлаютъ (соблюдаютъ уставъ) только всѣ священныя обители». Что же въ это время церковь была еретическая? Вѣдь и у насъ теперь, какъ сами вы признали, въ монастыряхъ все по уставу исполняется. Но у васъ-то старообрядцевъ, спрошу я, все по уставу правится? Вотъ въ письмѣ старообрядческаго протопопа Ал. Старкова читаемъ, какъ въ деревнѣ Селезневой, Рязанской губерніи, происходило освященія церкви еп. Іовомъ «Полунощницу не служили, чинъ освященія и въ руки не брали; отслужили простой молебень Покрову, а въ первомъ часу пополудни начали обѣдню, чтобы позднимъ окончаніемъ ея показать—какъ долго шла. Храмъ остался неосвященнымъ, какъ простой домъ. Церковь миромъ не помазали, а свои уста казенной помазали». А въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, какъ вашъ архіепископъ Савватій служилъ панихиду съ „*пропусками*“. А вотъ очевидецъ передаетъ, какъ въ г. Коломнѣ совершалось въ вашей моленной всенощное бдѣніе наканунѣ 26 іюня. «Входа съ кадиломъ не было, ектеніи говорились съ праваго клироса. Сказанія о Тихвинской иконѣ не читалось, а вмѣсто него читали повѣсть «о еже не мытися въ банѣ мужамъ съ женами». Величаніе было безъ кажденія, Евангеліе не читалось, Катавасія—по 3, 6 и 9 пѣсни. На первомъ часѣ читался одинъ псаломъ (Брат. Слово 1892 г. т. 1). Зачѣмъ же вы послѣ этого указываете сучки въ нашей церкви, а бревенъ-то не замѣчаете у себя? Да еще въ прошедшій разъ этими «сучками» хотѣли оправдать свое отдѣленіе отъ церкви, хорошо, что теперь отказались отъ своего заблужденія.

Въ это время выступаетъ старообрядецъ-безпоповецъ. Послѣдній указалъ на правило св. Афанасія Александрійскаго, по которому порочныхъ пастырей-соблазнительей слѣдуетъ извергать.

М. Н.—А если я вамъ укажу пороки вашихъ наставниковъ и однако вы ихъ не трогаете, почему вы не исполняете правила? Безп.—У насъ есть правила—извергать такихъ. М. Н. И у насъ есть правила, но только судить то священниковъ могутъ на небѣ—Богъ, а на землѣ—епископъ; вѣдь мы же читали о семь у св. Анастасія Синайскаго. И у насъ дѣйствительно лишаютъ сана недостойныхъ. А вамъ-то мірянамъ кто далъ право судить? Вы сами осуждаете, но прочитайте 6-е правило Гангрскаго собора: «Аще кто кромѣ соборныя церкви о себѣ собирается, и нерадя о церкви, церковная хочетъ творити, не сущу съ нимъ презвитеру, по воли епископли, да будетъ проклятъ».

Безп.—Да, вѣрно, но это во время благочестія, а сейчасъ его у васъ нѣтъ. М. Н.—А у васъ оно есть? Безп.—Есть.

М. Н. Тогда какъ разъ къ вамъ это правило и приложимо, а вы не исполняете его.

Изъ правила Гангрскаго собора естественно вытекъ спорный для безпоповцевъ—вопросъ о церкви. Объ этомъ вопросѣ, именно—«что надо разумѣть подъ Христовою Церковію» и назначена слѣдующая бесѣда. Пѣніемъ «Достойно есть» пренія были окончены.

На этой бесѣдѣ храмъ былъ переполненъ слушателями, полная удовлетворенность коихъ выразилась въ той благодарности, которую принесли они, по окончаніи бесѣды, Михаилу Николаевичу.

Студ. Акад. *Влад. Покровскій.*

Изъ семинарскихъ воспоминаній.¹⁾

Философію, купно съ Психологіей, преподавалъ намъ В. И. Голубинскій. Этого преподавателя мы такъ и звали «философіей». Но звали такъ не потому, что онъ преподавалъ именно философію, а совершенно по другимъ основаніямъ. В. И. Голубинскій былъ женатъ на нѣкоей Е. Н., которую всякій семинаристъ зналъ столько же, сколько и ея супруга. Особа эта, по наблюденію семинаристовъ, была неразлучна съ своимъ супругомъ: провожала

¹⁾ Продолженіе. См. № 22.

его въ классъ, встрѣчала съ уроковъ, ходила съ нимъ въ церковь; и, вообще, попадалась семинаристамъ почти столь же часто, какъ часто встрѣчался и В. И. Эту-то, вотъ, неразлучную спутницу своего супруга семинаристы и прозвали почему-то «психологіей». А потомъ уже и спутника ея наименовали «философіей». Итакъ, преподаватель нашъ былъ «философіей», а жена его «психологіей». Но въ преподаваніи семинарскихъ предметовъ мы знали, конечно, одну только «философію». И насколько, по увѣренію семинаристовъ, была строптива въ своей жизни «психологія», настолько же была тиха, скромна наша «философія». Воды, какъ говорится, не замутило бывало въ классѣ нашъ преподаватель В. И. Голубинскій. Привычки его были такія: приходитъ въ классъ и садится неизмѣнно за кафедру. Вызываетъ одного изъ учениковъ и начинаетъ спрашивать урокъ. Ученикъ не успѣетъ еще раскрыть и рта своего, а учитель съ кафедры уже говоритъ: «хорёшо, хорёшо». И чѣмъ успѣшнѣе ученикъ «удитъ» изъ книги, подставленной ему сосѣдомъ, тѣмъ чаще раздается это «хорёшо, хорёшо». Иногда учитель и замѣтитъ непринужденное «уженіе» ученика изъ книги, но постарается самъ отвернуться въ сторону, чтобы не дать основаній къ тому предположенію, что онъ видитъ...

И въ своихъ «объясненіяхъ» «впередъ» В. И. Голубинскій придерживался той же системы, какая практиковалась его учениками при отвѣтахъ. Раскроетъ на кафедрѣ учебникъ «Обзоръ философскихъ ученій—Маркова» и спокойно такъ удитъ, удитъ изъ него о какомъ нибудь Юмѣ или Декартѣ. А ученики не менѣе спокойно посматриваютъ на это уженіе и готовятся еще разъ повторить его при своихъ отвѣтахъ....

Къ своеобразной системѣ преподаванія В. И. Голубинскаго нужно отнести и его своеобразную манеру оцѣнки устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ его учениковъ. Второ-разрядникъ, а тѣмъ болѣе какой нибудь «камчадалъ» не могли уже рассчитывать на полный баллъ 5 и даже 4. Оцѣнка отвѣтовъ по философіи и психологіи всецѣло зависѣла отъ того разряднаго мѣста, какое занималъ ученикъ въ переводномъ спискѣ. И на этой почвѣ случались иногда такіе курьезы, которые сами собой встаютъ въ памяти. В. И. Голубинскій имѣлъ неизмѣнный обычай повторяться въ темахъ для сочиненій чрезъ нѣсколько лѣтъ. Ученики, понятно, строго слѣдили за этимъ обычаемъ и утилизировали его въ свою пользу. И вотъ какой нибудь «камчадалъ» заручится твореніемъ

своего предшественника, оцѣненнымъ по философіи или психологіи балломъ 5 или 4; заручитесь и перебѣлните его спокойно съ полной надеждой на высшую оцѣнку «своего» сочиненія. Но мѣсто, занимаемое подобнымъ литераторомъ въ списокѣ, съ какимъ то удивительнымъ фатализмомъ превращало 5 или 4 въ 3+ и 3. И подобные литераторы напредки уже не искали отъ своихъ предшественниковъ твореній «весьма удовлетворительныхъ»; ограничились просто «удовлетворительными».

Въ своемъ преподаваніи философіи и психологіи В. И. Голубинскій неизмѣнно придерживался учебниковъ. По философіи не было лишняго слова кромѣ «Маркова», а «Чистовичъ» по психологіи во многихъ параграфахъ былъ даже съ пропусками. Все, что могло бы быть сверхъ Маркова и Чистовича,— все это, по нашимъ наблюденіямъ, было для В. И. отъ лукаваго. По этимъ же наблюденіямъ мы были увѣрены, что В. И. не особенно сильно себя чувствовалъ и въ самыхъ учебникахъ. По крайней мѣрѣ на годичныхъ экзаменахъ, когда показывался годовой товаръ лицомъ, В. И. частенько заглядывалъ и къ Маркову, и къ Чистовичу, дабы увѣриться: правду говорить семинаристъ, или отчаянно врать, выдавая отсебятину за слова учебниковъ.

Кромѣ философскихъ предметовъ В. И. Голубинскій преподавалъ намъ и Дидактику. И здѣсь система преподаванія была у него все таже. Онъ «удилъ» чрезъ очки, а мы безъ очковъ. И онъ былъ спокоенъ, и мы благодушествовали. Тѣмъ болѣе, что мы въ это время уже были «богословами», складывавшими, по унаслѣдованному обычаю, «всѣ книги въ кульки». Какъ преподаватель дидактики, В. И. руководилъ и нашими «примѣрными» уроками въ Образцовой школѣ при Семинаріи. Эта школа народилась при насъ, ранѣе ея не было. Понятно, поэтому, что и В. И., какъ преподаватель, и мы, какъ ученики, были первыми пионерами въ дѣлѣ «примѣрнаго» преподаванія въ школѣ. Какова была эта «примѣрность», можно судить по слѣдующему примѣру: мнѣ, лично, пришлось давать примѣрный урокъ въ образцовой школѣ 27 сентября, на другой день «богословскаго» праздника. Подъ вліяніемъ ли того обстоятельства, что я накануне былъ взволнованъ отъ полученія награды, или же отъ того, что былъ поздравленъ съ этой наградой, но фактъ тотъ, что на «примѣрномъ» урокѣ я показывалъ ученикамъ буквы верхъ ногами. Ученики недоумѣвали, товарищи мои хохотали, а руководитель примѣрныхъ уроковъ такъ

и остался въ блаженномъ невѣдѣніи: откуда все сіе.... И только лишь на слѣдующій день, когда на классѣ дидактики была заслушана злостная рецензія на мой примѣрный урокъ, написанная очереднымъ рецензентомъ, то В. И. Голубинскій видимо догадался о причинахъ кануннаго недоумѣнія и смѣха. Но при этомъ нужно замѣтить то, что дальнѣйшее рецензированіе примѣрныхъ уроковъ уже было прекращено. Нашъ дидактикъ заявилъ: рецензіи только раздражаютъ юныхъ педагоговъ....

В. И. Голубинскій преподавалъ еще французскій языкъ. Учебникъ Игнатовича памятенъ мнѣ и доселѣ. И не потому онъ особенно памятенъ мнѣ, чтобы я изучалъ его отъ корки до корки, а единственно потому, что я изучалъ его *только* одинъ. Всѣ товарищи мои были нѣмцы, а французъ я единственный. А разъ весь французскій языкъ въ нашемъ классѣ держался только на мнѣ, то и положеніе было исключительное. Прійдетъ мнѣ охота фрунцузить, я французю, не прійдетъ — извините. Явится на урокъ французскаго языка В. И. Голубинскій, а я ему заявляю: у меня сегодня голова болитъ. И урокъ на смарку. Но за то, въ свою очередь, бывали частенько и такіе случаи: придешь на урокъ французить, а В. И. такъ жалостливо говорить, какъ бы извиняется, «у меня что-то сегодня зубы болятъ». И опять урока нѣтъ. Такъ то вотъ мы вдвоемъ и французили! Да и гдѣ французили? Въ какомъ помѣщеніи-то? Въ такъ называемомъ семинарскомъ «карцерѣ», въ маленькой комнаткѣ, съ маленькимъ, кругленькимъ окошечкомъ въ двери.... Комнатка эта, какъ «карцеръ», весьма рѣдко отоплялась: стужа въ ней была смертная. А потому два француза всегда и неизмѣнно принуждены были французить въ теплыхъ пальто и такихъ же галошахъ. Понятно и то, что при такихъ условіяхъ намъ весьма удавался и французскій прононсъ: въ носъ мы говорили оба отлично, какъ истые французы, хотя я и родился гдѣ то среди чувашъ....

Слѣдуетъ вспомнить про В. И. Голубинскаго и какъ про старосту семинарскаго храма. Онъ былъ первымъ ктитормъ новоустроенной Іоанно-Богословской церкви. Его трудами и стараніями или, какъ обычно выражаются про ктиторовъ, его «тщаніемъ», а можетъ быть и иждивеніемъ, многое пріобрѣталось для новой церкви. Но если въ своемъ преподаваніи учебныхъ предметовъ В. И. былъ хозяиномъ своего дѣла, то въ ктиторовствѣ онъ многое уступалъ своей супругѣ. Послѣдняя узурпировала права своего мужа

и была настоящей, заправской старостихой семинарскаго храма. «Психологія» являлась въ семинарскій храмъ до звона, дѣлала распоряженія, командовала всѣмъ и всѣми, а «Философія» только безмолвно санкціонировала дѣянія «Психологіи». И семинаристы, и посторонніе богомольцы такъ и знали, что распоряженія «Психологіи» обязательны для всѣхъ, къ самому точному исполненію... А всякое нарушеніе этихъ распоряженій грозило всевозможными напастями, не исключая и вывода изъ храма... Отъ «Психологіи» зависѣло и командованіе нѣкоторымъ инвентаремъ семинарскаго храма: по ея указанію давались богомольцамъ «коврики», «стулья». По ея же рекомендаціи надѣлялись нѣкоторые изъ молящихся освященными хлѣбцами и просфорами....

Какъ фактическая старостиха семинарскаго храма, «Психологія» предъявляла нѣкоторыя требованія и къ церковному хору семинаристовъ. Въ Рождество Христово и въ Св. Пасху этотъ хоръ обязательно долженъ былъ явиться съ концертомъ къ Е. Н. Голубинской. При этомъ явиться тотчасъ же послѣ концерта у о. ректора Семинаріи. Въ противномъ случаѣ выговоръ хору и лишеніе его концертной мзды. Но за то точность хора во времени концертнрованія у «Психологіи» давала возможность нѣкоторымъ обращаться къ «Философіи» съ денежными займами. И «Психологія» тутъ уже не препятствовала: хористы частенько брали и на галоши, и на «все прочее» не то у «Философіи», не то у «Психологіи»; конечно въ займы, но частенько и безъ отдачи....

Заканчивая свои воспоминанія о преподавателѣ В. И. Голубинскомъ, я извиняюсь предъ читателями въ томъ, что эту личность такъ тѣсно связалъ съ его супругой. Но что подѣлаешь тутъ? Въ моихъ воспоминаніяхъ, да и моихъ-ли только?, преподаватель В. И. является неотдѣлимымъ отъ своей спутницы жизни Е. Н. И одного Василя Ивановича, безъ Е. Н., я представить никакъ не могу.... Для меня и прежде, когда я былъ семинаристомъ, «Философія» была купнородной съ «Психологіей». Да и теперь, когда мнѣ приходится бывать на Арскомъ, Казанскомъ кладбищѣ, я неизмѣнно представляю эту парочку, мирно покоящуюся рядомъ подъ мраморными памятниками.

Миръ праху ихъ! Покой душамъ ихъ!

Священникъ *Порфирій Руфимскій.*

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Свѣтскія, періодическія изданія какъ бы конкурируютъ между собой въ обсужденіи вопросовъ специально церковныхъ. Сотрудники этихъ изданій, исключительно люди свѣтскіе, считаютъ какъ бы своимъ долгомъ вырѣшать такъ или иначе выдвигаемые ими же самими церковные вопросы. Какъ относиться къ подобному явленію? Радоваться этому вниманію людей свѣтскихъ къ жизни церкви, или же стоять выше всѣхъ этихъ сужденій, рѣшеній? Не предрѣшая поставленнаго вопроса въ его существѣ, останавливаемъ вниманіе читателей на словахъ и мысляхъ свѣтскихъ писателей и въ свѣтскихъ изданіяхъ.

„Нов. Вр.“ даетъ у себя пріютъ слѣдующимъ строкамъ:

«Государственный культъ перестаетъ привлекать. Оскудѣваютъ приходы. Оскудѣваютъ и епархіи. Нѣтъ благотворителей. Купцы отказываются поддерживать благолѣпіе, золотить купола, подновлять иконостасы. Купцы или начинаютъ прилежать «старой вѣрѣ», или записываются въ парижско-москворѣцкіе декаденты, или соединяются и то и другое.

Приходъ—основная ячейка церкви, Христова община, клѣтка тѣла церкви, малая церковь, «микрочозмъ» великаго, вселенскаго «макрочозма». И приходъ, можно сказать, совѣтъ у насъ упразднился. Намъ говорятъ молодые, подстригающіе нѣсколько бородки и волосы батюшки передовой «группы»: «общины у насъ нѣтъ. У насъ въ церквахъ случайные посѣтители-незнакомцы». Рѣчь идетъ о столицѣ. Тутъ, при переменномъ населеніи, особенно трудно организовать общину живую по слову: «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы». Любовь и единомысліе трудновато установить между случайными посѣтителями-незнакомцами. Это въ столицѣ. Хотя вѣдь апостолы основывали общины именно въ столицахъ древняго міра, въ Аѳинахъ, Римѣ, Эфесѣ, Иерусалимѣ...

Но съ приходомъ не лучше обстоитъ и въ губернскихъ городахъ. Да и въ деревняхъ нашъ мужичекъ прежде всего старается на благолѣпіе храма въ селѣ... ничего не дать. Почему? Отчасти потому, что въ праздникъ мужичекъ идетъ не въ храмъ, а въ «казенку». Отчасти и потому, что мужикъ частью пошелъ въ сек-

ты, частью читаетъ «Копѣйку» и ко всему относится «скептически». Живой связи съ прихожанами у батюшекъ нѣтъ по самой организаціи православнаго прихода господствующей церкви. Организація эта состоитъ просто въ отсутствіи всякой организаціи. И въ городскомъ провинціальномъ храмѣ, и въ сельскомъ тоже «случайные посѣтители»... Да, уходи, а не приходи широко организуеть промедленіе и коснѣніе съ обновленіемъ и реформою церкви. Оттого въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Европейской Россіи замѣчается новое и въ высшей степени своеобразное явленіе: церковей и священниковъ уже слишкомъ много сравнительно съ числомъ прихожанъ, посѣщающихъ богослуженіе. Во едину изъ субботъ попробуйте въ губернскомъ городѣ обойти все церкви. Въ большинствѣ найдете грустную пустоту. Стоять счеюмъ три старушки, три дѣвочки, старичекъ-чиновникъ, солдатъ, да мужичекъ-плотникъ или штукатуръ. Два дьячка воспѣвають. Хора нѣтъ. Діакона нѣтъ. Пусто, ветхо, сорно, пыльно. Единственному сторожу не навести чистоты. Да и все обветшало, лупится, сыпется, темнѣетъ, ливаетъ... Ну, а въ двухъ-трехъ церквахъ вы найдете народъ. Тамъ есть діаконъ и хоръ, поющій «концерты». Вотъ и приходятъ... послушать пѣніе...

Пока медлятъ съ реформою церкви, пока въ синодальной комиссіи высиживаютъ мысль проекта прихода, живыя души ищутъ вѣры и, встрѣчая сектантовъ-проповѣдниковъ, полныхъ энергіи и жара, уходятъ. Неужели батюшки наши полагаютъ, что толпа, бродящая за оградой церковной, долго такъ будетъ бродить? Нѣтъ, она вся разбредется по иновѣрнымъ, инославнымъ, старовѣрческимъ, раскольничьимъ, сектантскимъ общинамъ, или присоединится къ свободомыслящей интеллигенціи. Посмотришь, тотъ—евангелистъ, другой—баптистъ, третій—теософъ и спиритъ, четвертый уже сынъ римскаго костела русскаго обряда, пятый—мистикъ и т. д. Но если бродячаго за оградой церковной бездомовника церковнаго еще можно вернуть въ приходъ, то вступившаго въ чужую организацію вернуть очень будетъ трудно. По старому-то городоваго за нимъ не пошлешь—водворить назадъ».

Въ словахъ цитируемаго автора если и не все правда, то, безъ сомнѣнія, много правды. И пастырству Русской церкви необходимо принять дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы паства его не бѣжала изъ двора овчаго. Но какія

это мѣры? Другой авторъ, изъ „Спб. Вѣд.“, всеисцѣляющимъ средствомъ считаетъ „Пѣсни Сіона“ или „любимые стихи“. Тѣ самые, которые воспѣваютъ на своихъ собраніяхъ „евангелики“, „баптисты“ и проч. Г. Эмве (какая странная фамилія у защитника православія!) такъ и пишетъ: ихъ (т. е. „пѣсни Сіона“ и „любимые стихи“)

«необходимо свести съ богослужебнаго значенія на простое мірское, свѣтское съ прекраснымъ нравственнымъ направленіемъ, а для этого широкимъ потокомъ пустить ихъ въ народъ, привить ихъ народу. Народъ голоденъ въ религіозномъ смыслѣ,—и что это такъ, видно изъ многихъ фактовъ: мнѣ, напр., пришлось встрѣтить въ деревнѣ Псковской губ. прачку лѣтъ 30—35, которая весь день, глядя бѣлье, пѣла въ полголоса: со святыми упокой... На мой вопросъ, отчего она это поетъ: умеръ у ней кто?—она отвѣчала смутясь: «нѣтъ, такъ, просто пою... никто не умеръ, а скучно, молча гладить-то. Деревенскихъ пѣсень не люблю... Вотъ и пою. Вѣдь тутъ про Бога».

Про Бога... Вотъ великая жажда народная—пѣть про Бога!

Недавно мнѣ пришлось узнать въ Царскомъ Селѣ про одного повара почти однородный фактъ. Онъ каждый день, когда готовить, поетъ попеременно молебны и панихиды. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ жаждущихъ духовныхъ пѣсень—многое множество на Руси, и вотъ этому множеству полезно, необходимо, дать упомянутыя выше пѣсни».

Не знаемъ, къ чему привели бы фантастическіе проекты г. Эмве, если бы они были осуществлены на практикѣ. Но твердо увѣрены, что для православія „со святыми упокой“, „молебны и панихиды“ составляютъ истинную жизнь въ Богѣ и для Бога. И всѣмъ этимъ „пѣснямъ Сіона“ и „любимымъ стихамъ“ не замѣнить красоты и величія православнаго богослуженія.

Въ то время, какъ одни писатели трактуютъ, такъ сказать, вопросы внутренней жизни православной церкви, другіе—обращаютъ наши взоры на внѣшнюю дѣятельность православія. Г. Лукинскій въ „Россіи“ пишетъ:

«Миссіонерскіе съѣзды послѣднихъ лѣтъ, давшіе весьма много серьезнаго матеріала для освѣщенія положенія и жизни нашихъ

восточных инородцевъ, раскрываютъ печальную картину ихъ заброшенности въ религіозно-просвѣтительномъ отношеніи. Вотъ, напримеръ, православная миссія среди калмыковъ: въ каждомъ станѣ имѣются священники-миссіонеры, но служба идетъ на русскомъ языкѣ, и калмыки присутствуютъ, ничего не понимая, а возвратившись въ свои кибитки, во всей полнотѣ отправляютъ ламайскую обрядность. Иконы держатся въ сундукахъ, кресты надѣваются только въ тѣхъ случаяхъ, когда опасно безъ нихъ остаться—при наѣздахъ начальства. Но за то передъ своими бурханами крещеный калмыкъ продолжаетъ молиться усердно. «Боги, простите насъ», молится онъ, вернувшись изъ православнаго храма, «вѣдь вы знаете, по какой причинѣ мы приняли крещеніе».

Правильной катехизаціи среди крещеныхъ калмыковъ миссіонеры не ведутъ; не ведутъ они и проповѣди среди некрещенныхъ. То и другое—явленіе случайное и весьма не частое. Въ астраханскихъ калмыцкихъ степяхъ имѣются и миссіонерскія школы, но учителя въ нихъ, не зная калмыцкаго языка, или за отсутствіемъ учебниковъ на калмыцкомъ языкѣ, ведутъ преподаваніе на русскомъ. Бѣдныя калмычата, не понимая ни звука изъ учительскихъ словъ, начинаютъ зѣвать и чувствуютъ отвращеніе къ школѣ. Удивительно ли, что, сдѣлавшись взрослыми, они употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы стать подальше отъ русской культуры, создать свою литературу и вообще свою національную культуру.

Анологичныя картины мы видимъ и въ жизни другихъ инородцевъ, что вполне подтверждаютъ и оффиціальныя доклады, читавшіяся на Казанскомъ и Иркутскомъ миссіонерскихъ съѣздахъ. Этимъ и объясняется тотъ усиленный національный подъемъ и націоналистическія движенія, далеко не благопріятныя русскому началу государственности, которыя теперь замѣтны среди всѣхъ инородческихъ племенъ».

Если все это справедливо, то приходится только искренно пожалѣть. Но вѣдь однѣхъ сожалѣній мало. Нужно что нибудь дѣлать. И г. Лукинскій совершенно правъ, когда далѣе говорить:

«Вопросъ о надлежащей постановкѣ культурно просвѣтительной миссіи среди инородцевъ, считающійся въ послѣднее время

чѣмъ-то второстепеннымъ, специально относящимся къ духовному міру, есть вопросъ большой государственной важности. Это національная задача первостепеннаго значенія. Долго и упорно пренебрегая ею, мы нанесли несомнѣнно крупный ущербъ націи—ея задачу мирнаго культурнаго объединенія европейскаго и азіатскаго сѣверо-востока, такъ успѣшно выполнявшейся въ Московской Руси».

Подъ этими словами г. Лукинскаго можно подписаться, какъ говорится, обѣими руками. И вмѣстѣ съ нимъ искренно поскорбѣть о томъ, что внутренняя миссія не считается у насъ дѣломъ великой государственной важности.

НОВЫЯ КНИГИ

Священника Е. О. Сосунцова.

1. **Методика Священной исторіи.** Изд. 2-ое. Цѣна **50** к.
2. **Спутникъ законоучителя.** Краткая дидактика и методика преподаванія Закона Божія. Цѣна **10** коп.
3. **Труды и плоды законоучительства.** Рѣчь при открытіи законоучительскихъ курсовъ 1911 года въ г. Перми. Цѣна **10** коп.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ **МАРКЕЛОВА** и **ШАРОНОВА** въ **КАЗАНИ**.

Редакторъ священникъ **Н. Писаревъ.**

Печатать дозволяется. 20-го октября 1911 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ **Алексій.**